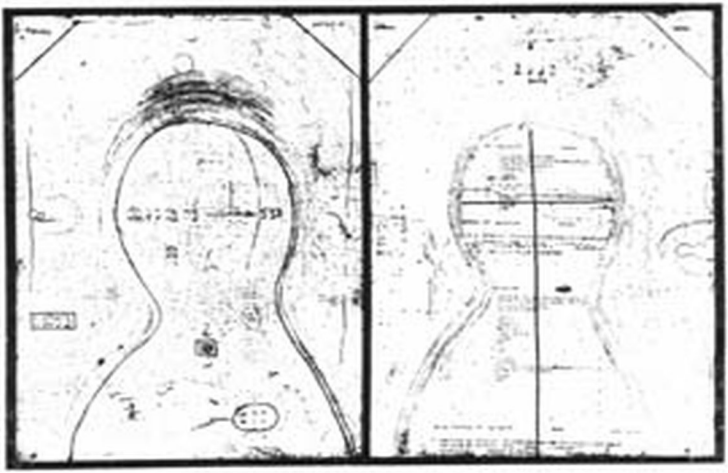
КОММЕНТАРИИ



4
1995

Суровая зима
Раймон Кено

Аннотация
Раймон Кено. СУРОВАЯ ЗИМА. (Перевод Жака Петивера)
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV

Аннотация

Суровая зима: роман, пер. Жак Петивер, журнал «Комментарии», 4, 1995

Раймон Кено
СУРОВАЯ ЗИМА

(Перевод Жака Петивера)

I

Впереди шагала пара полицейских, за ними — китайцы.

Полюбоваться зрелищем выползли торгаши, из своих забитых всякой всячиной лавчонок: стоят — выкатили шары, распахнули хлебала. Мальчишки приветствовали шествие криками: «Косоглазые, косоглазые!»

Леамо тоже остановился поглазеть, правда, не испытывая особого любопытства к подобной экзотике.

За двумя фараонами следовали: во-первых парочка китайцев, наверняка из числа власть имущих в среде соотечественников; во-вторых, китаец с зонтиком; в-третьих, китаец, волочивший некий предмет, не менее желтый, чем он сам, представляющий из себя палку с насаженными на нее, причем вдоль, двумя эллипсоидами; в-четвертых, китаец, размахивающий национальным флагом со всеми причитающимися полосками; в-пятых, китаец, вооруженный подобной же тряпкой; в-шестых, китаец, барабанящий по какой-то железяке; в-седьмых, китаец-акробат,

облаченный в желтое и с фальшивой бородой; в-восьмых, китаец (тоже в желтом), колотящий длинными деревяшками друг о друга; и наконец, в-десятых, чуть не сотня китайцев, некоторые из которых махали французскими флажками.

Толпа зевак, напротив, состояла из европейцев, по большей части местных жителей. Остальные были бельгийцы с некоторыми исключениями, самым примечательным из которых для Бернара Леамо явилась молодая высокая блондинка в военной форме, точнее в форме английского женского корпуса. Кроме Леамо и еще трех-четырех чудаков, разве что она не испытывала бешеного восторга от данного девертисмента в азиатском вкусе. Остальные же — ну умора! — видно вовсе помешались на желтом цвете.

Тем временем китаезы принялись разыгрывать пантомиму. Леамо присоединился к девушке, купившись на ее серьезный вид.

Прочие зеваки блаженно гоготали: вот, мол, идиоты (это о китайцах, разумеется).

— Зей лафф, — решился Леамо, — бикоз зей ар стюпид.

Девушка (так он предположил) улыбнулась. Леамо еще больше осмелел:

— Зей лафф, бикоз зей ду нотт лафф.

Китайцы, спев арию не хуже мартовских котов, отправились потешить следующий квартал. — Итт уаз вери инттересин, — произнес Леамо. — Хао ду ю ду?

— Спасибо, очень хорошо, — ответила военная девица. — А вы?

— Ах, вы говорите по-французски?

— Еще бы. Послали бы меня сюда?

— Отлично чешете. Лучше чем я по-английски. А я ведь переводчик, правда уже бывший...

И продемонстрировал свою палочку (к которой, правда, прибегал скорее из пижонства). После чего выдал дополнительную информацию:

— После Шарлеруа.

Последнее замечание было оценено недолгим, но уважительным молчанием. Потом разговор сбился на другую тему:

— Моя мать француженка.

— Это замечательно.

Последнее слово он повторил еще раз, затем беседа иссякла.

— А вот и моя подруга. Мне пора.

— Увы, но мы ведь скоро увидимся, правда?

Затем Леамо возобновил свой путь, по окончании которого его ожидали порция редьки, кот и Амелия. И вот он уже грызет названный овощ и

делится новостями с помянутой дамой:

— Неважнецкие.

Точнее было сказать: отвратительные. Но Амелии, даром, что она полтора десятка лет у него служит, не пристало знать сокровенные мысли властелина. Однако, когда Амелия водрузила на стол горячее блюдо, Леамо не сдержался и предсказал поражение румынам:

— Не доросли еще с немцами тягаться.

— С фрицами, — уточнила Амелия.

Кстати, Леамо, всегда пренебрегал осторожностью. Даже в парикмахерской рисковал насмехаться над тупоголовыми читателями «Матен» и тому подобных газетенок. Сам он читал немецкие коммюнике в «Женевской газете», потому знал как вправить мозги почитателям отечественных репортеров. После кофе Амелия бесцеремонно выставила его из комнаты, чтобы убрать со стола. Леамо ничего не осталось, как отправиться на одинокую прогулку. У него еще оставалось время перед службой, где он занимался серьезнейшим и даже секретным делом: часами корпел над сводками об отравленных транспортах и передвижениях английских войск.

Шел он медленно, как по причине сломанной некогда лапы, так и меланхолического настрое-

ния. Посасывал вересковый чубук и, разумеется, размышлял.

Например, о войне, о демократической, масонской, вконец ожидовившей Франции. О родных: отце, матери, жене. Отей кормил червей на деревенском кладбище, мать трагически погибла, жена тоже. С тех пор он один, как перст. Перебирая мысль за мыслью, он добрался до городской окраины и оказался возле Турневильской крепости. Затем посмотрел на часы, убедился, что пора возвращаться, так что трамвай оказался кстати, да еще полупустой.

На следующей остановке напротив него сели мальчик с девочкой. Ей было лет четырнадцать, может и чуть меньше, ему — шесть-семь. Леамо еще подумал, что девчонка вовсе неплохая добыча для развратника: волосы цвета резеды, кукольные глазки, чувственный рот. А грудь! А ножки! Она улыбнулась, Леамо покраснел. Тем временем мальчик заинтересовался солдатами на улице:

— Гляди, канадцы.

Ответный удар последовал мгновенно:

— Дурак, какие же канадцы? Шотландцы, в юбочках.

Некоторое время они переругивались. Затем

мальчуган достал из кармана значок:

— Смотри, какой смешной.

— Вылитый лук-порей. Он невзаправдашний.

Чтобы прервать новую ссору, Леамо пришлось вмешаться:

— Это значок Уэльского гвардейского полка.

Дети умолкли, не выразив, однако, восторга от его осведомленности.

— Нам на следующей, — сообщила девочка.

Они встали. Уже на подножке девочка обернулась и вновь улыбнулась Леамо.

II

Освещенная газовым рожком лавчонка мадам Дютертр слабо мерцала в глубине длинной, мрачной улицы Казимир-Перье. Только подойдя ближе становилось ясно, что это храм разума, культуры и просвещения. Тем не менее, редкие и в мирное время посетители, во время войны совсем исчезли. Местные богатеи предпочитали покупать книги у Гонфевилля, на Бернарден-Сен-Пьер, а то и в столице, прочие же удовлетворяли свои умственные потребности периодикой.

Вдова Дютертр жила одна. Шила, стирала, подметала, стряпала. И, конечно, читала. Все это в ожидании покупателя при деньгах. Впрочем, маловероятного. Леамо вырвался из сумерек Казимир-Перье и замер в мерцающем свете.

Тут же вопрос:

— Месье Леамо, вы заходили в «Гомон» на этой неделе?

Ответ она знала заранее, так как Леамо, охотно смотревший фильмы в «Курзале» и «Омни-Патэ», «Гомон» на дух не принимал.

— Еще чего.

— Так вот, стою я за билетом, а какой-то юный хулиган взял да и поджог мне шубку. Сигаретой, или как это по-ихнему? Цыгаркой, чинариком. Не так уж я смахиваю на барыню, чтобы срывать на мне злость за собственную нищету.

— Сейчас, — уточнил Леамо, — рабочие совсем не бедны, денег гребут ого-го!

— Если я отзываюсь о них нелицеприятно, — заверила мадам Дютертр, — то лишь потому, что люблю.

— И напрасно, — заметил Леамо.

— Раньше, — продолжала мадам Дютертр, — я участвовала в женском движении, организовывала народные университеты. Писала в журнал «Фронда».

Опять — двадцать пять. Но мадам еще не закончила:

— Люди вообще глупы. Взять буржуев. Потолок течет, а домовладельцу только и забота, что я не плачу квартплату.

Леамо промолчал. Он считал, что неплатеж — вопиющее безобразие, происки жидомасонов.

— А чем платить? Недавно один школьник хотел купить «Орлеанскую деву» с иллюстрациями. Так я не продала.

— Грязная книжонка, — сообщил Леамо.

Помолчали. Леамо показалось, что в задней комнате кто-то скребется. Может, месье Фредерик. Он решил перейти к новостям дня.

— Читали, Франц-Иосиф умер?

— Тьфу, — фыркнула мадам Дютертр. — Кровожадный старикашка.

— Вовсе нет, — возразил Леамо, — бедный старик, несчастный старый император. Понимаете, Император.

Это слово его возбуждало. Произнося его, он сам как бы приобщался к величию.

— Читали эту книгу? — спросила мадам Дютертр, вырывая Леамо из императорских мечтаний.

Книжонку о «неизвестных силах природы» Леамо читал и не одобрил.

— Вы неправы, месье Леамо! Наука не все может объяснить. Когда мой сын погиб в кораблекрушении, в ту же ночь он явился в моей спальне, весь зеленый, словно лягушка.

— Бр-р, — посочувствовал Леамо. — Вы наверно перепугались?

— Нет, — заверила мадам и добавила. — Примерно тогда же и мой муж помер. Подлец он был, муженек, за каждой юбкой бегал. Тут Леамо услышал уже явственный шорох.

— Месье Фредерик, — шепнула мадам Дютертр, — читает Лютера. Старое издание, ему не по карману. Он швейцарец.

И уточнила:

— Нейтральный.

— Ну мне пора, — пробормотал Леамо.

На улице его стало знобить. Может быть от зеленого трупа, а может — от читателя из задней комнаты.

На дамбе около семафора Леамо увидел разинутые пасти двух пароходов. Он ведь все о них знает — сколько солдат везут, сколько офицеров, каких полков. Не так уж плоха его работенка, если дает возможность каждый день обмениваться любезностями с мисс Уидс. Он тихонько посмеялся над самим собой.

Потом сел в трамвай и отправился спать.

III

Теперь Леамо каждый день, ровно в полдень, завершал свою прогулку у Турневильского форта. Дети не появлялись. Может быть они там прогуливались раз в неделю, а то и в две, или еще реже.

Короче говоря, в один прекрасный день он столкнулся с ними в трамвае. Мальчика он едва узнал, взглянув же на девочку, был словно поражен ударом грома. Даже не сразу понял, что она ему улыбается. Затем толкнула брата локтем:

— Покажи месье значок.

Тот нехотя принялся копаться в кармане.

— Это он узнал твой лук-порей.

Обшарив все карманы, мальчуган наконец добыл значок и отвернувшись протянул его Леамо.

— Ну и зачем он мне? — спросил Леамо дружеским тоном.

— Хочет узнать что за полк, но стесняется, — ответила за него девочка. — Мечтал: вот встречу того месье, он мне все объяснит про эту чтозаштуку.

— Ага, — произнес Леамо торжественным

профессорским голосом. — Да ведь это Южный Стаффордский полк, Сауз Стаффоршир Реджимент, Лихфилдская казарма.

— Чего, чего? — заинтересовался мальчуган.

— Я тебе напишу на бумажке. На, держи.

Девочка прочитала.

— Правильно, — похвалил Леамо.

— Сауз Стеффоршир Реджимент, — повторил мальчик.

— Молодец, — воскликнул Леамо. — Великолепное произношение.

Конечно, он преувеличивал, не без того, но ведь какие славные детишки.

— У нас дома целые дни только и слышишь английский, — сообщил мальчик. — У старшей сестры полно знакомых англичан. Девочка покраснела. Покраснел и Леамо.

— Оттуда у меня и значки, — добавил паренек.

— А ты знаешь, что спекулировать военными значками запрещено? — поинтересовался Леамо.

— Конечно. Но вы же меня не выдадите.

— Не выдам, малыш, не бойся.

— Нам сходить, — напомнила девочка.

— Мне тоже, — бесстыдно солгал Леамо.

Ребятишки поглядывали на Леамо с уважением, даже с гордостью.

— А вам, собственно, куда? Не боитесь одни ходить по улицам?

— А чего бояться?

— Конечно, конечно, — пробормотал Леамо. — Так куда же?

— Его веду в начальную школу Святого Маглуара, а сама иду в среднюю — Святой Берты. До войны мы ходили в городскую, а теперь у сестры хватает денег платить за частную. Говорит, это престижней.

— Еще бы, — промямлил Леамо.

— Вы меня правда не заложите? — спросил мальчик.

— Приходите к нам в воскресенье, месье Леамо, — предложила девчушка.

— Обязательно приду, — заверил Леамо, — и все вместе пойдем в кино.

Потом вдруг спохватился:

— Откуда вы знаете мою фамилию?

— Вы же сами дали нам и фамилию, и адрес, — объяснила девочка, показывая конверт с названием полка. — Разве не нарочно?

И убежала. Но нет, вернулась и сообщила:

— Меня зовут Аннетта.

IV

По воскресеньям, после мессы, Леамо обедал у своего брата, сенатора Леамо. Тот не верил ни в богов ни в чертей (так он уверял), но считал, что религия укрепляет нацию. Легковесная религиозность его молодой жены Терезы тут же улетучилась под напором воинствующего свободомыслия сенатора. Во время войны ей, однако, вышло послабление — сенатор позволил супруге молиться за здравие ее пасынка, попавшего на фронт.

В церкви Бернар пристраивался у входа, при первом удобном случае смывался и ровно в полдень был уже у брата.

— Что Шарль? — поинтересовался Бернар.

— Прекрасно. В теплых окопах, а вот фрицы, скоты чертовы, все замерзнут.

— Почему это?

— У них уголь кончится.

— Думаешь, в окопах буржуйки?

— Опять начинается, — вступила Тереза. — Ну отчего вы такой пессимист?

— Я просто говорю правду.

— Правда для тебя только черное, — заявил сенатор.

— Не скажи. Тереза — красивая женщина. Это тоже правда.

— Ладно, за стол. Умираю от голода! Я открыл банку сардин на закуску, а вот масло, прямиком из Изиньи.

— Масло превосходное, — согласился Бернар. — Но не смейтесь над хлебом из дерьма. Скоро и вас прижмет.

— Поживем увидим. Ты ведь и сам не ешь хлеба из дерьма. Готовится наступление, фрицы уже выбились из сил. Последний год воюем.

— Только в твоем воображении это самое наступление.

— Как, — удивилась Тереза, — вы не верите в нашу победу?

— Верю, но не в такую уж скорую.

— Не каркай, — возмутился брат.

— А каковы рабочие! Отсиживаются на заводах, лакомятся курочкой, как мы с тобой. А крестьяне и буржуа идут на фронт.

— Считай, что им повезло. Салату положить? Когда Гогенцоллернов и Габсбургов упрячут в кутузку, все народы разоружатся. Правда, не будет и военной формы. То-то дамы пожалеют.

— Дурачок, — бросила Тереза.

— Разве не правда, — не унимался сенатор, — что женская добродетель капитулирует при виде мундира?

— Значит, ты утверждаешь, — заметил Бернар, — что большинство женщин — шлюхи.

— Как всегда клевещешь, — возмутился сенатор. — Ничего такого я не говорил. Попробуй лучше камамбер. Знаешь, как я отвечаю на пораженческие речи — смеюсь над ними: ха-ха-ха!

— И правильно, — согласилась Тереза. — Если к вам прислушиваться, Бернар, помрешь от меланхолии.

— Но я-то не помер, — возразил Бернар.

— Еще бы, ты только ею и живешь.

— Я объективен.

— Ладно, хватит. Эти апельсины мне прислал некий швейцарец.

— Мне тоже.

— Может, навестим их? — предложила Тереза.

— А почему бы и нет? — оживился сенатор. — Если Лали теперь Гейфер, то она же не перестала быть нашей кузиной? Кузен Адольф! Страшно подумать, что у нас теперь родственник с подобным имечком. Но Лали славная бабенка. Ты, помнится, когда-то лапал ее без зазренья совести.

— Перестань, — произнесла Тереза.

После кофе Бернар быстренько распрощался с братом и в половине второго уже стоял у двери, которую сторожил фаянсовый пес.

Открыла ему Аннетта.

— Ой, как я рада, как я рада!

— Здравствуй, малышка.

— Здравствуйте, месье Леамо, — ответствовала малышка.

— Зови меня Бернар.

На крыльцо вышла старшая сестра Мадлена в кимоно персидского облика с внушительным разрезом, что делало ее очень даже смахивающей на шлюху.

— Входите же, месье, — воскликнула она.

Он вошел. Она сердечно пожала ему руку и впустила в комнату, именуемую гостиной, увешанную флагами самых разнообразных стран и народов и фотографиями офицеров союзных армий, по большинству британской.

— Мои крестники, — подмигнула Мадлена и тут же отправилась за бутылкой виски. В это время появился мальчуган по имени, как выяснилось, Поло, в воскресном костюмчике. Мадлена вскоре вернулась.

— Очень мило с вашей стороны сводить их в

кинематограф. У меня-то времени нет. Бьюсь с ними с пятнадцати лет. А разве на заводе мне хватило бы, чтобы дать им приличное воспитание? Так что виновато общество, а не я.

— И не я, — буркнул Леамо, не признававший и намека на осуждение общественных устоев.

— Я не жалуюсь, — заверила Мадлена. — Дети мне сказали, что вы что-то вроде переводчика.

— Нечто вроде, — согласился Леамо. — Г-м, г-м, виски у вас превосходный.

— Главное задарма, — встрял Поло.

— Это подарок, — подтвердила старшая сестра.

— Ну мы пошли, — вздохнул Леамо, вставая.

И очень вовремя, так как вот-вот должен был подчалить некий капитан Анзак.

— Очаровательная у вас сестра, — сообщил Леамо.

— Это точно, только поведения не слишком честного, — уточнил Поло.

— Хи-хи, — прыснула Аннетта. — Ну и сволочь ты.

— Ш-ш-ш, — укорил ее Леамо, — разве так можно?

У кинотеатра «Омниа-Патэ» бурлила толпа, медленно всасываясь в здание, тяжелая и вонючая, как жидкий асфальт.

— Черт возьми, нам билетов не хватит, — ругнулся Поло.

— Если хоть раз еще чертыхнешься, отправлю домой.

— Правильно, месье Бернар, — одобрила Аннетта.

— Дудки, — заявил Поло. — Мадо не велела оставлять вас одних. А как мы, все-таки, войдем?

— Я взял билеты заранее.

— Какой вы милый, месье Бернар, — вновь одобрила Аннетта.

Взволнованный Леамо украдкой смахнул слезу. Затем усадил детишек по обе стороны от себя. Сзади оказались две чопорные дамы. После сербского и итальянского гимнов, порядком утомивших публику, грянула «Марсельеза». Тут уж все встали по стойке смирно.

— Ну и скукотища, — пожаловался Поло, — сдохнуть можно.

Тут стало темно, как безлунной ночью, и на экране замелькал журнал Патэ.

— Еще похлеще! — не унимался Поло.

— Верно! — подхватила Аннетта.

— Журнал Патэ — это весьма поучительно, — произнесла одна из пожилых дам. — Он мог бы немало поспособствовать народному просве-

щению. К сожалению, народ упорно не желает просвещаться.

Журнал Патэ закончился к большой радости галерки.

— Гляди, Поло — Гигитта, — сообщила Аннетта. А Леамо пояснила. — Подруга сестры.

Обе дамы покосились в указанном направлении. Гигиттой могла быть только роскошная шлюха по соседству с австралийским офицером.

Наконец свет вновь погас, галерка опять оживилась. Затем были показаны приключения Ника Уинтера в трех частях. После чего дирекция осчастливила публику антрактом.

— Хотите выйти? — спросил Леамо.

— Нам и здесь неплохо, — сказал Поло. — В кои-то веки посидеть в партере.

— Ну как, Аннетта, понравилось? — поинтересовался Леамо.

— Еще бы, я хочу стать сыщицей.

— Чего-чего?

— Или шпионкой. Разве плохо, месье Бернар? Работать скучно, а тут — пали себе из пистолета и дуй шампанское. Вот это жизнь!

— Офигетьневстать, наверняка промажешь, — вставил Поло.

— А вы фрицев убивали, месье Бернар?

— Нет, — признался Леамо.

— Да-а, что же вы тогда делали на войне?

— Теперь война не такая, как раньше.

— А фрицу, что вам в ногу пальнул, вы тоже не отомстили?

— Меня ранило шрапнелью. Пойди достань его, я ведь пехотинец.

Леамо держал Аннеттину руку и отечески ее поглаживал. Малышка так на него взглянула, что он покраснел и отвернулся, будто оглядывает зал. Тут Леамо увидел мисс Уидс, пробирающуюся к выходу, несомненно это была она. Леамо вздохнул:

— Душно, пойду продышусь. Не шалите без меня.

Поймав взгляд англичанки, он скромно улыбнулся, а потом пробрался к ней поближе и поклонился. Увы, мисс Уидс была не одна, а в сопровождении подруги, которую в свою очередь сопровождал некий капитан, которого Леамо имел честь знать. После подобающих приветствий, мисс Уидс выразила желание выйти на свежий воздух. Таким образом Леамо остался с ней наедине, поскольку подруга с провожатым потерялись в толпе.

Разговорились. Вы любите кино? Часто ходите?

Глупый фильм. А народу-то сколько! В общем, поболтали.

Леамо украдкой разглядывал даму. Мисс была высокой блондинкой, с могучими бедрами и не слишком ровными зубами. Она ему здорово нравилась.

Звякнул звонок — конец антракта. Леамо решился:

— Погуляем как-нибудь вдвоем?

— Вы же сами знаете, что это запрещено.

— Но учитывая мою должность... Нас поймут...

— Думаете? А ведь, и правда, лейтенант, ничего в этом нет дурного.

— Разумеется. Тогда завтра, у дамбы, в четыре.

— Я знаю где это, приду.

Аннетта и Поло, пока его не было, вели себя паиньками.

— Что это за девка? — спросила Аннетта.

— Служащая английской военной базы, — терпеливо объяснил он ей, словно законной супруге. — У меня с ней чисто служебные отношения.

Зрители расселись, вновь наступила ночь. Аннетта положила голову на плечо Леамо.

V

Он добрался-таки до назначенного места, несмотря на ревевшую ему в лицо бурю. Там он застал англичанку, которая зажимала между ног свою форменную юбку: то ли берегла честь мундира, то ли собственную.

— Хао дуюду, миссуидз? — приветствовал ее Леамо.

— Прекрасно, спасибо. Обожаю такую погоду.

— Тогда прогуляемся по берегу?

Огромные валы крушили дамбу.

— Юар вери куражес, — произнес Леамо.

— Просто обожаю такую погодку.

— Вы прекрасно говорите по-французски.

— Моя мать француженка.

— Ах да, — вспомнил Леамо и сообщил. — Барометр упал до 729.

Не Бог весть как интересно. Надо подыскать другую тему.

— Вы часто ходите в кино?

— Во Франции в первый раз. А вы?

— Большой любитель...

Он вдруг умолк.

— Что с вами?

— Удивительно.

— Что именно?

Леамо испугался, что она вообразит будто он в нее влюблен и внезапно это осознал, оттого предпочел сказать правду:

— Я вдовец, — начал он.

И поспешно добавил:

— Виновато в этом кино, потому я и заговорил... Лет десять назад моя мать пошла в кино в магазине «Нормандские ряды» со своими невестками, моей женой и брата (у меня есть брат). Там они все и сгорели.

Немного помолчав, он закончил рассказ:

— Самое смешное (правда, смешно!), что я не возненавидел кино. Это я и открыл.

Тут он решительно вернулся к заявленной теме беседы:

— Будем ходить в кино, хотя бы изредка?

— Вы же знаете, что военнослужащим женского корпуса разрешается ходить по городу только парами.

— А вы знаете, что при моих отношениях с вашим начальством из любого правила можно сделать исключение.

— Тогда возьмите это на себя, — ответила мисс

Уидс.

И они оба рассмеялись.

Тем временем стемнело. Леамо предложил зайти в пустое кафе, словно шишка возвышавшееся над валунами, выпить чаю.

Чай оказался отвратительным. Поговорили о чае. Пришли к тому, что французы лучше готовят кофе. А в Англии хорошего кофе как раз днем с огнем не сыщешь. Тут же перешли к вопросу, почему она записалась добровольцем. Оказалось, чтобы избавиться от занятий кройкой и шитьем. Ее мама — портниха, француженка, живет в Лондоне. А папа — англичанин, судя по всему, алкаш. Он-то, разумеется, на фронт не поторопился

А военная форма ей действительно шла, просто на диво. Все больше и больше дивящийся Леамо наконец решился спросить, как ее зовут.

— Хелена, — ответила девушка без малейшего жеманства.

Хелена. Они надолго замолчали.

Хелена разглядывала сидящего перед ней мужчину, вполне еще молодого, но уже немного обрюзгшего и, пожалуй, чуть более серьезного, чем надо. Высокого, для француза, конечно, не для «бобби». Недурен собой, и такой любезный. Она вдруг почувствовала отвращение к тем пресным

и бесполым юношам по ту сторону Ла-Манша, которым она позволяла себя целовать. Она опустила взгляд на его запястье — там завивалось несколько волосинок, признак мужественности.

— Мне пора, — неожиданно сообщила девушка. — Уже поздно.

И встала.

— Я вас провожу, — предложил Леамо.

Она отказалась.

— Тогда до завтра, — сказал Леамо.

Он вернулся в кафе и расплатился. Леамо задумался о прошлом, потянул за ниточку — клубок и размотался. Но ему удавалось ухватить только обрывки воспоминаний: скучное и беззаботное детство, студенческие буйства, армия, первая женщина, какой кайф. Женился, разумеется, по любви. Гибель жены, убогое существование чиновника-вдовца. И наконец — свобода, принесенная войной.

Плакат с объявлением мобилизации, словно пламя, пожрал целый ворох мелких невзгод. Он понимал Хелену, которую тоже освободила война. Она же и привела к нему эту девушку. Леамо почувствовал, что буквально сходит с ума от желания.

Он покинул морской берег и вот уже в центре

города. Тут из подъезда вынырнула шлюха. Над головой она держала раскрытый зонтик.

— Пойдем, милок, — предложила она Леамо.

Леамо взглянул на нее:

— Зачем?

— Всего сто су, только для тебя, недорого.

Леамо пожал плечами:

— Клянчит сотню, а не может даже объяснить зачем.

И отправился восвояси. А девка орала ему вслед:

— Сволочь! Хам! Невежа!

Он же просто сатанел от желания. Хелена.

Хелена. Хелена.

Хелена.

VI

Когда Леамо вошел в лавочку мадам Дютертр, она как раз лечила насморк посредством неизвестных сил природы, то есть сморкалась в платок, обильно смоченный медным купоросом. Объяснив сущность подобной операции, она тут же попросила его помалкивать, так как опасалась насмешек профанов. Он слушал ее с раздражением. Наконец дама иссякла, и Леамо принялся листать старые книжки.

Потом он вновь перешел к новостям дня:

— Читали, что мы бомбили Афины? Надеюсь, от Парфенона камня на камне не осталось.

И усмехнулся:

— Мы ведь защитники цивилизации.

Он замолчал, уставившись в одну точку.

— Вы сегодня какой-то странный, месье Леамо, — заметила мадам Дютертр. — Небось, влюбились?

— Кто? Я? Какая глупость!

Мадам чуть со стула не свалилась от подобного оскорбления.

— Ах извините, — взмолился Леамо, — тысяча

извинений, мадам Дютертр. — Я хотел сказать, что ваше предположение неосновательно.

— А что же вы так взвились? Кто она? Блондинка? Брюнетка? Девушка? Замужняя?

— Да если и так, вам-то что? Хотите предложить приворотного зелья?

— Зачем вам зелье? Она что, вас не любит?

— Не надо шутить, мадам Дютертр, это очень серьезно.

Леамо вытащил из кармана часы и принялся разглядывать, словно редкую раковину, драгоценную перловицу.

— Лучше пойду пройдусь. Прощайте, мадам Дютертр. Кстати, месье Фредрик как всегда читает?

— Нет, нет, он приходит по вечерам, после работы. Всегда о вас спрашивает.

— Да я его и в глаза не видел! Он-то что, в меня влюбился?

— Ай-ай-ай, месье Леамо, вы и шутник! — отозвалась мадам Дютертр.

Трамвай отвез Леамо в рабочие кварталы, где сновали машины и рабы. Он оказался в душном, липком пространстве, изнемогающем от безысходности и пороков. Леамо просто упивался своим презрением и ужасом. Он пестовал в себе омерзение к портовому и фабричному

плебсу, к этим пьянчугам, грубиянам, бунтарям и грязным свиньям. Городские трущобы были для него прообразом ада (если допустить, что тот существует).

Уж не говоря о том, что многие среди этих подонков — пацифисты.

Леамо спрятался под какой-то навес, чтобы переждать дождик. В тяжелых водах бухты колыхались пароходы. Он думал о Хелене.

Именно здесь.

Именно здесь она впервые ступила на французскую землю.

Франция. Хелена.

Хелена. Хелена.

Хелена.

Наконец он добрался до «Курзала». Вошел.

— Сеанс скоро кончится, — сообщила ему кассирша. — Зал битком набит. Вам придется стоять.

— Мне все равно, — ответил Леамо.

И впрямь пришлось стоять. Экран заволокла пелена папиросного дыма. Густая вонь окутывала весь собравшийся тут сброд, с замираньем сердца следивший за приключениями некоего кабоя (или каубоя, фиг его знает). Казнь мерзавца-предателя была встречена одобрительным

гулом. Затем дали Чарли. Чарли в банке. Публика уже заранее начала хрюкать от удовольствия, а стоило появиться самому Чарли, все просто зашлись от хохота. Особенно старались англичане. К удивлению туземцев, которые представляли британцев отнюдь не хохмачами.

Пока служивые в шинелях хаки судорожно цеплялись за трамвайные поручни, при этом ухитряясь горланить песни, Леамо обосновался в кафешке на Парижской улице, где неторопливо потягивал пикон с лимонным сиропом, при этом наблюдая (украдкой, но увлеченно) перепалку пары шлюх с парой же английских офицеров. Ему показалось, что шлюхи одержали полную победу над британской аристократией, отспорив у нее лишнюю гинею, или, на худой конец, шиллинг. Одной из девиц оказалась старшая сестра Мадлена. Но она сделала вид, что его не узнала.

VII

Парикмахер Алсид сидел в полном одиночестве в своей парикмахерской на Ярмарочной улице. Ему казалось, что он ни о чем не думает, но, когда звякнул звонок, предвещавший клиента, он понял, что перебирает в памяти тот день, взбудораживший весь Гавр, когда сгорел магазин «Нормадские ряды». С тех пор прошло уже тринадцать лет.

При виде вошедшего Алсид смутился. Ведь это был Леамо собственной персоной. Мысль Алсида метнулась из давнего прошлого в недавнее:

— А я-то уж думал, куда это запропастился месье Леамо. Ждал вас утром, а вас все нет. Либо, думаю, заболел, либо будет бриться вечером: в ресторан собрался или в гости.

— На скромный семейный ужин, — ответил Леамо. — Брату исполнилось пятьдесят. Всего несколько сослуживцев, сейчас не до банкетов.

Алсид принялся умело и споро намыливать его физиономию.

— Я вот тоже жду победы. Тогда и закачу пирушку.

— Не обольщайтесь, — вспенил мыло Леамо, — война продлится всю зиму.

— Да что вы, месье Леамо! Вы преувеличиваете!

Некоторое время Алсид молча соскабливал волосинки, но, переливая воду из кувшина в ванночку, не удержался:

— Зря вы так, месье Леамо. Что бы о вас подумали, если бы не знали что вы наш военный герой.

— А, плевать мне, — заявил Леамо, отплевываясь от мыльной пены. — Плевать, что обо мне подумают.

Несмотря на это, Алсид его припудрил, подровнял пробор, подстриг усики, да еще и почистил щеткой пиджак. Леамо погляделся в зеркало, одобрил себя и удалился.

Когда он добрался до брата-сенатора, гости были в сборе: Нанту, Саквиль, Дюпланше, все с супругами, и еще одна девица, мадмуазель Дюпланше. Сыновья воевали. Мужчины суетились вокруг абсента. Обсуждали будущее гаврского порта, железной дороги, походя ругая руанцев, препятствующих ее строительству.

Только за столом самцовая часть компании объединилась с самочной, устроив чересполосицу. Бернару досталось место между мадмуазель

Дюпланше и довольно пышной мадам Саквиль. Когда заговорили о фронтовиках, он был столь галантен, что ограничился тем, что только слегка отбрил более молодую из своих соседок парой игривых шуточек. Он был в великолепном (хотя и слегка подогретом алкоголем) настроении. Вот он уже перестал окучивать юную соседку и шепчется с невесткой.

— Чудной вы сегодня, Бернар, — говорит Тереза.

— Разве? Перебрал что ли?

— Бросьте, Бернар. Вы какой-то странный.

— Так чудной или странный?

— Все-таки скорее чудной. Вы часом не влюбились?

Бернар тихонько рассмеялся.

— Во всяком случае не в малышку Дюпланше. Я не очень уверен, что не влюблен в вас. Вы — неглупы, хотя и принимаете за чистую монету россказни прессы и вашего супруга-масона. Но вы мне здорово нравитесь. Как невестка, разумеется. А та — англичанка.

Он сглотнул и продолжил:

— Она в мундире. Восхитительна! Ее зовут Хелена. Хочу ее до потери пульса.

— Собираетесь жениться?

— Вполне возможно. Думаю, времечко сейчас как раз для женитьбы. Но мы еще не помолвлены. Ах какая девушка — высокая, блондинка, возможно, девственница — вылитая кобыла англонормандских кровей.

Он осекся:

— Что это я разболтался. Это вы виноваты, Тереза. А ему что от вас надо?

К ним направлялся сенатор.

— У тебя приступ красноречия? Прекрасно, я собираюсь тебя кое о чем спросить.

— Валяй.

Тереза встала.

— Оставляю вас наедине.

Помрачневший Бернар бросил взгляд на усевшегося рядом брата.

— Послушай-ка, — начал сенатор, — что это за детишки, которых ты водил в кино в прошлое воскресенье?

— Мои, побочные.

— Не дури. Нет, в самом деле, где ты их откопал? Вид у них самый плебейский.

— Не совсем, — уточнил Бернар.

— Так кто же они?

— А тебе какое дело?

— Не забывай, что я глава семьи.

— Не забывай, что я воевал.

— А у меня сын воюет.

— Ну ладно. Я сам не знаю, что это за дети. Один раз их встретил, другой. Сводил в кино, в следующее воскресенье опять поведу.

Сенатор очень серьезно поглядел на него.

— Война вызвала у тебя сильный моральный шок.

— А вот это сущая правда, — согласился Леамо, которого уже начинало клонить в сон.

Он ушел вместе с остальными гостями. Сенатор зевает. Тереза его допрашивает:

— Ну что он тебе сказал, дурень этот?

VIII

Едва заслышав, как открывается садовая калитка, Лали выскочила из дома с воплем:

— Послушай только! Какие негодяи!

Но тут же осеклась, обнаружив, что ее швейцарский Адольф вернулся не один, а в сопровождении некой персоны, хорошо одетой, стройной и элегантной. Ее жирные телеса тут же зарделись краской.

— Лали, — провозгласил Адольф, — это мой соотечественник месье Фредерик. Месье Фредерик, познакомьтесь с мадам Гейфер.

Названный месье галантно склонился перед Лали, а та завиляла задом, показывая, что тоже не чужда изящным манерам.

— Я пригласил месье Фредерика на ужин, — добавил Адольф, — без церемоний, чем Бог послал.

Лали принадлежала к бедной ветви семейства Леамо. Папаши у нее, можно сказать, и не было, а мамаша, толстая и ленивая баба, воспитала дочку в омерзительной неопрятности. Только ее дочурка достигла половой зрелости, она выпихнула ее замуж за первого же попавшегося, ни

рыба, ни мясо, швейцаришку. После чего умерла от отека легких.

Супруги несколько лет перебивались с хлеба на воду, пока не разразилась война. Тут Гейфер стал зарабатывать бешеные деньги, спекулируя чем придется, что приписывал своему, доселе не оцененному, коммерческому гению. Наконец-то они смогли насладиться жизнью: приобрели виллу, накупили драгоценностей, мехов, стенных часов... Цилиндр, всякие побрякушки. Теперь-то Лали взяла реванш над кузенами, прежде в грош ее не ставящими. Однако, только лишь по богатству. От нее не укрывалось, что оба брата сохранили некоторое к ней пренебрежение.

А почему? Адольф, видите ли, иностранец, только по этому. В иностранный легион ему, что ли, записаться? Смешно, своими импортными операциями Гейфер приносит куда большую пользу Франции.

Оный Гейфер оставил, не извинившись, месье Фредерика наедине со своей супругой. Всласть пописал, а потом бросился на кухню вразумлять некую сиротку, которую он называл кухаркой, впрочем, платой он ее не баловал. Вдохновив сиротку превзойти себя, он от волнения снова забежал в сортир, затем вернулся к супруге.

— Значит, у вас здесь нет родственников? — спросил месье Фредерик.

— У меня нет, — подтвердил Гейфер, — есть у жены. Чиновники — очень приличные люди.

— Да, — коротко согласилась Лали.

Месье Фредерик понял, что тема скользкая. Воцарилась томительная пауза.

И вдруг Лали взорвалась. Забыв о госте, она набросилась на своего Адольфа:

— Родственнички, милые мои родственнички, знаешь, что они вчера устроили? Пятидесятилетие сенатора отмечали! Сами обжирались, а нас не позвали. Пожор, штыд!

И разрыдалась. Гейфер бросился утешать.

— Душечка, ну успокойся! Не плачь, конфетка моя, моя какашечка!

Душечка шмыгнула носом и успокоилась. Тут она вспомнила про гостя.

— Извините, месье. Семейные дела. Вам, наверно, неинтересно.

— Родственники друга, — торжественно провозгласил он, — должны интересовать, ибо являются частью жизни означенного друга. А месье Гейфер мне друг.

Данное заявление вновь погрузило Лали в сентиментальную сырость. Немного поикав, она

снова обратилась к месье Фредерику.

— Я вам все объясню, месье. Мои кузены чванятся. Я в молодости была бедна, и горжусь этим. Они и Адольфа моего стыдятся, потому что он иностранец. К тому же завидуют, что мы теперь богатые, просто бесятся. Но нам на них начхать, чхать мы хотели, понимаете, месье, на этих чиновников.

— Понимаю, — спокойно ответил месье Фредерик. — А где они служат?

— Один — сенатор, контролер в налоговом управлении. А Бернар до войны корпел в супрефектуре, а теперь якшается с англичанами.

— С англичанами? — переспросил месье Фредерик.

— Я не задаю ему лишних вопросов, — заверил Гейфер. — Вдруг какие-нибудь военные тайны. Время, сами понимаете...

— Ты что же, — взорвалась Лали, — боишься, что тебя за шпиона примут! Ты больший патриот, чем они!

— Действительно так? — поинтересовался месье Фредерик.

— Бернар, к примеру, не буду утверждать, что он не патриот, но он критикан. Иногда даже кажется, что он не верит в нашу победу.

— А они женаты? — спросил месье Фредерик. — Дети у них есть?

— Да вот еще! — всполошилась Лали. — Я шлю посылки сенаторскому сынку, а папаша на юбилей не приглашает!

Потом вернулась к вопросу о женах, и месье Фредерик обязан был выслушать достоверный и красочный рассказ о пожаре в «Нормандских рядах», случившемся 21-го февраля 1903 года. Это повествование привело рассказчицу в превосходное расположение духа, так что она повторила рассказ трижды.

Месье Фредерика давняя история заинтересовала меньше, чем нынешние, но некий отблеск того пожара словно освещал его высокую фигуру, когда он в задумчивости возвращался ночью домой.

IX

Море было таким же бурным, как во время первой прогулки. Стояла зимняя погода, хотя (если верить астрономам) еще не закончилась осень. Осень познеосенняя, склеротическая, паралличная, притом и слякотная.

Хелена высвободила свои руки из его рук, потом, подняв Глаза, снова вгляделась в этого мужчину, способного на столь серьезные чувства. А ведь он всего лишь — часть пейзажа, запечатлевшего чужбину и войну. Часть, однако же, столь существенная, что Хелена могла бы даже пожертвовать ему свою девственность. Конечно, он не более, как «френчи», но к любви-то относится всерьез... даже слишком...

Она вздрогнула.

Надо было срочно найти постороннюю тему.

— Капитан К. сказал, что комендатура собирается меня перевести. Там знают о наших прогулках.

— Пустяки, — отозвался Леамо, — я все улажу. Мы ведь пока не сделали ничего плохого.

— Пока?

— Шучу, — ответил Леамо.

Он сжал плечи мисс Уидс и поцеловал ее. Она удивилась, что этот «френчи» так скромен, что удовольствовался тем, что расплющил свои губы об ее.

Она приоткрыла рот.

Рука Леамо спустилась к пояснице. Хелена высвободилась. Он закрыл глаза и оперся о парапет, отделяющий набережную от пляжа. Уже тринадцать лет, как он не целовал женщину. Он весь дрожал. Хелене стало страшно. На земляном молу они попрощались.

Леамо остался совсем один, наедине с ночью. И все же наступит день, когда он отведет Хелену к себе (или в гостиницу) и переспит с ней. Переспит, переспит, переспит, переспит! Переспит с ней, Хеленой! Ноги сами привели его к лавчонке мадам Дютертр.

— Ну и негодяи! — воскликнула дама, только его завидев. — Кошку мою убили!

— Кто именно? — поинтересовался Леамо, все мусоля жвачку своих мыслей.

Вот Хелена раздевается. Он, конечно, целомудренно отвернется, ведь в постели-то она все равно будет голая.

— Вы еще спрашиваете? Соседи, конечно! Наш-

ла ее с перебитым хребтом.

— Может быть не они, а собака, — предположил Леамо, продолжая витать в мечтах.

— А зачем они держат собак, отвечайте?! Чтобы моих кошек убивать, вот зачем! Люди неисправимы. Что они сделали с Христом? Распяли. С Сократом? Отравили. А Жанна д'Арк? Сожгли. А Жорес? Застрелили.

— Против последнего не возражаю, — буркнул Леамо.

Тут из задней комнаты вынырнул на свет Божий месье Фредерик, осиливший очередную порцию Лютера.

Несколько минут все трое хранили молчание, словно пережевывая каждую минуту, как ириску, которая все липла к зубам.

— Вы знакомы с месье Фредериком? — спросила мадам Дютертр. — Месье Фредерик, познакомьтесь с месье Леамо, одним из моих самых старых и верных покупателей.

— Счастлив познакомиться с офицером славной французской армии, — произнес месье Фредерик.

— Месье Фредерик — швейцарец, — уточнила мадам Дютертр.

— Угу, я тоже, — сообщил Леамо.

Месье Фредерик тем временем надевал пальто.

— Я тоже пойду, — закончил Леамо.

— И правильно, одобрила мадам Дютертр. — Пора уже закрывать.

Леамо очутился на холодной и темной улице рядом с месье Фредериком. Так вот он какой, месье Фредерик, тайный читатель Лютера: высокий, худощавый, светловолосый, с вкрадчивой улыбкой и довольно красивыми глазами. Конечно же, протестант и знает немецкий. При этом небогат — не может приобрести Лютера в личное пользование. Несмотря на отвращение к протестантизму и обиду на то, что месье Фредерик столь долго от него таился, прямо как крыса, Леамо уже приготовил вежливую фразу о нынешнем состоянии ртутного столбика.

Но тут заговорил месье Фредерик:

— Какая замечательная женщина мадам Дютертр. Какая умница! Какой вкус! Давно вы с ней знакомы, месье Ламо?

— Леамо, — поправил Леамо.

— Ах простите, месье Леамо.

— С 1913, если не ошибаюсь.

— Наверно была красавицей?

— Возможно.

— Ах, — вздохнул месье Фредерик, — что за

женщина.

Леамо сел на своего конька:

— Итак, месье Фредерик, вы человек нейтральный. Что вы думаете о предложенном Германией перемирии?

Месье Фредерик, хорошо взвесив, ответил шепотом:

— Союзникам стоит согласиться. Больше, чем предлагает Германия, они все равно не получат.

Леамо, посмаковав ответ, довольно потер руки. Оказывается, есть о чем поболтать!

X

В воскресенье Аннетта ждала его у калитки, вся расфуфыренная, кокеточка этакая. Леамо, увидев ее издали, шепнул: «ну разве не прелесть?» и на его ресницах блеснули две умиленных слезы, тут же высушенные студеным ветром.

— Здравствуй, Аннетта! — поздоровался Леамо. — Ты сегодня прелесть.

— Красивше, чем в другие разы?

— Да, — заверил Леамо, — в сто раз.

— А знаете почему?

— Не знаю, — признался Леамо.

— Потому что мы пойдем вдвоем, месье Леамо.

— А где Поло? Заболел?

— Да нет, он же скаут. Совсем на них помешался! Ну что, пошли?

И они пошли. Чтобы вести ее за ручку, девочка была уже велика, чтобы под руку, пока мала. Они просто шли рядом. Чуть не доходя до трамвайной остановки, она вдруг повисла на его руке и прижалась к нему:

— Месье Бернар!

— Что такое, малышка?

— Я не хочу в кино.

— А что же ты хочешь?

— Погулять в Монжонском лесу.

— Так ведь холодно.

— Мне нисколечки не будет холодно.

— Тогда нет возражений, — согласился Леамо. — Сядем на трамвай в другую сторону.

— Вот здорово! — обрадовалась девочка.

Они долго ждали трамвая, а потом вошли в лес. Под их ногами разлетались в пыль серые металлические листья. Было очень холодно.

— Не замерзла? — спросил Леамо.

— Ой, нет. Когда я с вами, мне тепло.

— И мне, — усмехнулся Леамо. — когда ты со мной, я не думаю ни о холоде, ни о войне.

— Вы несчастны, месье Бернар?

— Я? С чего ты взяла? Я не несчастлив. Но и не счастлив. Я не стремлюсь быть счастливым. Тебе этого еще не понять.

— Скажите, месье Бернар... а вы после встречались с той девкой, англичанкой из кино?

— Да... Конечно, очень часто. По службе.

— Она вам нравится?

— Дитя мое, — произнес Леамо, — давай вести разговоры, которые тебе по возрасту.

— По возрасту? Еще год с капелькой, и я замуж

могу выходить. Мне Мадлена сказала.

— Вот через год и поговорим.

— А будь я на год старше, вы бы на мне женились, месье Бернар?

— Дитя мое, повторяю, давай поговорим о том, что тебе по возрасту.

— А я бы за вас тут же выскочила, — сообщила Аннетта.

Леамо промолчал.

— Любите другую, да? — спросила Аннетта. — Ту англичанку?

— Не знаю, это ли называется любить.

— А что называется?

— Ты сама-то как думаешь? — улыбнулся Леамо.

— Я вас все время вспоминаю, жду не дождусь воскресенья. Считаю, что вы красивый, даже очень.

— Тогда я ее люблю, — пробормотал Леамо.

Аннетта умчалась вперед. Леамо сначала удивился, потом попробовал ее догнать, но не с его ж колченогой конечностью. Но все-таки — бежит, значит заживет нога.

Аннетта обернулась, увидела, как он волочит свою поколоченную лапу, и сжалилась, остановилась.

— Аннетта, что это на тебя нашло?

— Вы меня не любите, — ответила Аннетта.

— Дитя мое, малышка, подруженька, — зачастил Леамо.

Он обнял девочку и крепко прижал.

— Ты представить не можешь, что ты для меня. Ты — светлячок в ночи. Ты чудо! Именно чудо!

— Неправда, вы все время думаете об этой англичанке.

— Одно другому не мешает, — ответил Леамо с лукавством взрослых, убеждающих детей, что Дед Мороз существует, и тут же припомнил. — Но, если ты за меня выйдешь, тебе уже не стать шпионкой, как в кино.

— Одно другому не мешает, — ответила Аннетта.

Тут они оба рассмеялись, весело, громко.

Вдруг появился какой-то парень в ядовито-серой одежде, толкавший перед собой тачку с хворостом.

— Фриц! — вскрикнула Аннетта.

Это действительно был в/п. Он встал по стойке смирно и отдал честь.

— Извиняюсь, — доложил он с положенными фонетическими искажениями. — Вот, девочку напугал. Но я вас не видел. Так что извиняюсь.

— Ничего, ничего, приятель, — успокоил его Леамо.

— Что?! — возмутилась Аннетта. — Фриц вам приятель?

Леамо сделал знак в/п, чтоб уходил, и тот беззвучно удалился со своей тачкой.

— А теперь куда пойдем? — застенчиво спросила Аннетта.

— Покатим свою тачку, — ответил Леамо.

— Вас огорчил этот фриц? — встревожилась Аннетта.

Леамо не ответил. Они молча вышли из леса. Он предложил перекусить в кабачке возле кладбища. Полакомились креветками, выпили сидра. Леамо рассказал девчушке про свой первый военный месяц. Потом он проводил ее домой.

Леамо поцеловал ее в обе щеки, девочка коснулась губами его рта.

XI

Амелия пошла открывать, но это оказался вовсе не месье Фредерик. Его ждали к ужину, но пришла Тереза. Леамо вежливо встал ей навстречу.

— Что происходит, Бернар? — начала допрос Тереза. — Не пришли в воскресенье. Мы вас до часа ждали. И ни слуху, ни духу. Я уже стала волноваться.

— А сенатор? — поинтересовался Бернар.

— Это не он меня послал. Он уверен, что вы обиделись. Не говорите ему, что я у вас была.

— Да не обиделся я, — заверил Бернар, — но вечно он лезет не в свое дело. Не для того я чуть не потерял ногу во славу Франции, чтобы старший брат приставал ко мне с этими несчастными детишками. Я не сержусь, но просто не хотел в прошлое воскресенье вас видеть. Вас обоих, если откровенно.

— Могли бы и предупредить.

— И предупреждать не хотелось.

— Вы и на меня обиделись?

— Ну ладно, оставим. Слушайте, Тереза, я ненароком вам ничего не наболтал?

— Рассказывали о какой-то Хелене.

— Ну и дурак же я!

— Жалеете, что открыли секрет. Вы что, уже ее разлюбили?

— Дорогая Тереза, я дурак, но не настолько, чтобы снова разоткровенничаться.

— Извините за любопытство.

— Так уж и быть. Но вот скажите, Тереза, какой должна быть любящая женщина?

— Ну и вопросик!

— А все-таки. Обязана ли она постоянно думать о любимом?

— Конечно.

— А считать его красавцем?

— Несомненно.

— Значит, выходя за сенатора, вы были уверены, что он красавец?

— Разумеется.

— На свете много, друг Гораций, что и не снилось.

— А вас я не нахожу ни красивым, ни умным.

— Короче говоря, терпеть не можете.

— Какой вы догадливый.

— Как же тогда объяснить ваше появление?

— Хотела сообщить, что Шарль приезжает на рождественскую побывку.

— Я знаю, он мне писал.

— Тогда ждем вас на Рождество?

— Буду непременно. Вот все ваши тревоги и свелись к приглашению на ужин.

Тереза ушла.

— Высокие сапожки, — произнес Леамо вслух, — это шик. Жаль только, что на них уходит много кожи, которая необходима армии.

Раздался новый звонок. На этот раз явился именно месье Фредерик.

— Хе-хе, — произнес последний тем деланно игривым тоном, что на берегах Эльбы считается чисто французским. — Хе-хе, от вас тут вышла красоточка.

— Моя невестка. Не желаете рюмочку портвейна?

— Охотно. Гм, вы женаты, месье Леамо?

— Вдовец.

— Ужин готов! — проорала Амелия.

— Отменный супец, не правда ли? — спросил Леамо и поинтересовался: — А как готовят ваш знаменитый сыр с вином?

Месье Фредерик сообщил ему рецепт.

На камине, между двумя безвкусными статуэтками, лежал убор из флердоранжа.

Тут витала не тень, а присутствовало нечто

более плотное. Загустевший в памяти Леамо отпечаток прошлого, сгусток воспоминаний.

После того, как умерла жена, Леамо ни разу не допустил за стол никого из живых. Более тридцати лет за него не сел ни единый собутыльник. Леамо в полном одиночестве занимался пережевыванием пищи и проглатыванием оной.

Столовая была в мещанском стиле. От него так и несло демократическим душком, но стиль мало заботил Леамо. А на камине возлежал венок его невесты, в последствии ставшей супругой. Месье Фредерик сейчас сидел на месте той, что уже наверняка теперь была бы матерью его детей. Внезапно на него накатил приступ отвращения к месье Фредерику.

После супа подали жаркое. После жаркого Леамо отмяк — жаркое он любил. Теперь ему захотелось поболтать с месье Фредериком, он радовался, что наконец нашел человека, с которым можно говорить откровенно.

— Как вам речь президента Вильсона? Что он во все лезет? Цели воюющих сторон известны: Франция стремится оттяпать Эльзас и Лотарингию, а Германия — захапать весь мир. Надо признаться, что в последней присутствует некоторое величие. Каково ваше мнение, месье Фредерик?

— Мне видится некоторое преувеличение.

— Отнюдь нет, — воскликнул Леамо, — просто полное ко всему отвращение. Что, никогда такого от француза не слышали? Разумеется, все между нами.

— Несомненно, — кивнул месье Фредерик.

— Видите ли, месье Фредерик, что я терпеть не могу, так это французскую демократию. Всех этих радикалов, социалистов — тьфу, тьфу на них! На франкмасонов, евреев, профсоюзы, сознательных рабочих — тьфу, тьфу! Блевать от них тянет!

— Так вы монархист, месье Леамо?

— Монархист? Чушь какая! Кто такие Бурбоны? Они евреи. Вы на их носы посмотрите. Франции, месье Фредерик, необходим твердый порядок. Разумеется, все между нами.

— Несомненно, — кивнул месье Фредерик.

— Еще рюмочку кальвадоса, месье Фредерик?

— Благодарю покорно, мне хватит.

— Слабак.

— Что вы? — удивился месье Фредерик.

— Я сказал, что решительно не могу продолжить. В наши дни инакомыслие опасно. Где гарантия, что вы не проболтаетесь?

Месье Фредерик на миг задумался, затем произнес:

— Но, месье Леамо, вы ведь говорите то, что считаете нужным. Не хочу, чтобы у вас осталось впечатление, что я вызываю вас на откровенность.

— Откровенность. Да, откровенность.

Леамо погрузился в мечты. Хелена.

Хелена. Хелена.

Хелена.

Следующее свидание в понедельник.

Овладеет ли он ею? Овладеть! Что за слово! Овладеть, овладеть, овладеть. Овладеть женщиной, Хеленой.

Месье Фредерик сообразил, что придал его мыслям иное направление и спохватился:

— А впрочем, почему бы не выпить рюмку вашего чудесного кальвадоса?

— Правда отменный? — обрадовался Леамо. — Фрицы такой не пьют, да и французы тоже. Он из Нормандии, Вообще, что такое Франция? Страна франков. А кто такие франки? Германцы. Кстати, мы, гаврцы, происходим от викингов. Знаете, в будущем году мы отмечаем 400 лет со дня основания Гавра.

«Ну вот, опять отвлекается» — подумал месье Фредерик.

— Не знал, — ответил он, — Но давайте вернемся

к разговору. Ваши теории слишком парадоксальны. Вы не смеетесь надо мной?

— Да Бог с вами! Чистая правда! Поклянитесь, что меня не заложите.

— Можете на меня положиться.

— Клянетесь?

— Клянусь.

— Ага! Так вот, месье Фредерик, спасет Францию от гибели только германский протекторат.

— Ага.

Последняя мысль показалась месье Фредерику весьма интересной.

XII

Бернар пришел к брату, когда все уже были в сборе. Первым, кого он узрел, был Адольф. «Тьфу ты!» — подумал Леамо. Затем — Лали, с мишурными побрякушками и могучим задом. Потом — Тереза со скрещенными ногами (фу-ты, ну-ты!) затянутыми в шнурованную кожу. Наконец — ликующего сенатора. И только напоследок — Шарля. Он всегда любил племянника и был рад его видеть.

Он потряс племянника за плечи, совершив же сей ритуал, уселся в кресло с рюмочкой и затих.

Он слышал, как швейцарский кузен пытается заставить Шарля похвастаться подвигами. Как сенатор того же требует. Но это бурчание вовсе не мешало его раздумьям. В центре его сознания сейчас располагалось ухо. Маленькое, нежное, юное ушко. Цветок благоухающей прозрачной плоти! Хелена!

Хелена. Хелена.

Хелена.

Они гуляют по горной вершине. Сегодня рождество. Хелена объявила себя агностичкой. Месса

— это очень красиво и способствует национальному единению, но в существовании Христа Хелена сомневается. Ее отец — алкоголик, воинствующий атеист. Они целуются. Язык Хелены — словно теплая мясистая зверушка, да еще влажная, как только что из ванны.

Он говорит ей: «Я люблю вас. Давайте пойдем ко мне». Нет, она не хочет идти к нему, он поторопился. Теперь и она говорит: «Я люблю вас». Это прекрасно, но неужели он так с ней и не переспит. Он смотрит на Хелену — какая она красивая! — и тут обнаруживает, что у нее есть ухо. Маленькое и прозрачное.

Хелена.

Все встали, чтобы перейти из гостиной в столовую. Бернар удержал брата за рукав:

— Все-таки пригласил швейцарца?

Сенатор ответил извиняющимся тоном:

— Пришлось.

Все принялись лопать. Адольф несколько удивлялся недостатком у Шарля воинского энтузиазма.

— Они хорошие солдаты, — робко заметил Шарль.

— Трусы они, — провозгласил сенатор. — Ты считаешь, что люди, сжигающие соборы и отру-

бающие руки детям, могут быть не трусами?

— Но все-таки они хорошие солдаты. С военной точки зрения, — промямлил Шарль.

Бернара данная беседа начинала забавлять. Он вмешался:

— Если фрицы трусы, кто ж тогда французы, которые не могут их разбить?

Все знали, что Бернар любит рискованные, даже скандальные высказывания, но тут он превзошел себя. Лиловое негодование забилось в адольфовых венах.

— Дядя прав, — довольно уверенно произнес Шарль. Военная медаль давала ему право так говорить, но лица гостей расквасились от негодования.

— Вас можно извинить, — снисходительно заключил Бернар, — только воевавший способен уважать противника.

Развивать тему он не стал. Гости же наконец отвлеклись от войны и политики, к радости Шарля. А если ее отошлют в Англию? Тогда — конец. Две ракушки присосались к килю, стоит волне оторвать одну, та утонет.

Хрупкая раковина ее уха трепетала в глубине его памяти.

Хелена. Хелена.

Хелена. Он будет все равно ее любить. А может быть, разлюбит. Но их встреча в мирное время — абсурд. Он презрительно усмехнулся.

К Бернару подходит Тереза. Он вежливо встает, придвигает ей стул, предлагает сесть.

— Вы не забыли мой совет? — спросила Тереза.

— А вы его давали?

— Насчет тех детишек.

— Ах да, благодарю вас. Я подарил им чудесные игрушки.

— Вы знакомы с их родителями?

— Конечно.

Недавно он провел целый вечер в компании старшей сестры Мадлены. Пил бенедиктин вместе с английскими офицерами и ее подружками. Дети резвились на груде игрушек. Все было целомудренно.

— У них нет родителей, — сообщил Бернар.

— Тогда как же вы с ними знакомы?

— Ладно, забудем о родителях. У меня есть для вас новость. Вам первой рассказываю. Скоро моя нога заживет и, возможно, меня отправят на фронт.

— А вы и рады? — спросила Тереза.

— Разумеется.

— А как же девушка в форме?

Он уставился на ее ухо, на три четверти прикрытое волосами, так что торчал лишь тоненький розовый ободок мочки.

— Не смотрите на меня так.

— Извиняюсь.

— Она больше не хочет вас видеть?

— Видеть-то хочет, а вот спать не желает.

— О, Бернар! — воскликнула Тереза. — Как грубо!

— Я ее люблю, — шепнул он Терезе. — Но через месяц любовь умрет, сгорит дотла. Бушует пожар, все, что встречается на его пути, он сжигает дотла. И стоят огромные сожженные леса, куда уже больше не вернутся птицы.

Как это красиво и грустно. Тереза вздохнула. Она чувствовала, как по ее телу бегут волны по направлению от уха к матке. Мадам Дюпланше обрушилась на них, как огромная стрекоза. Бернар встал и вежливо предложил ей свой стул. Потом извинился. Затем откланялся.

Тут же еще кто-то откланялся. Наконец все разошлись. Спальня Леамо-старшего. Тереза читает в постели.

Сенатор переодевается ко сну.

— Разузнала, что за дети? — интересуется он.

— Нет. Но, видимо, дети его фронтового това-

рища. Того убили, а Бернар теперь вроде как их опекун. Он мне еще кое-что рассказал.

— Что же?

— Собирается на фронт.

Сенатор задумался.

— Ему это пойдет на пользу. Сегодня он был несносен.

Тереза снова уткнулась в книгу. Сенатор полез под одеяло. Пододвинулся к ней.

— Отстань, — сказала Тереза.

XIII

На следующее утро Леамо все никак не мог допить чашку кофе с молоком и толком намазать хлеб маслом.

— Месье опять нализался, — предположила наблюдавшая за ним Амелия. — Теперь все мозги в раскоряку.

— Отвяжись от меня, — рассеянно промычал Леамо. Голова у него была как раз бодрая, легкая и даже малость пустая. За обедом он ел так же неохотно как за завтраком.

— Вам бы, месье, слабительного, — посочувствовала Амелия.

— Да отвяжись, прошу тебя.

После обеда он нашел предлог навестить военную базу. Мог бы я повидать мисс Уидс? Это невозможно, вечером она возвращается в Англию на госпитальном пароходе «Забелия». Надолго? Вероятно, навсегда.

Леамо покидает базу. Он опустошен.

Опирается о столб. Спотыкается. Теперь бы ему действительно не помешала трость.

Машина мчится в порт. Первый пост. Пронесло.

Второй пост. Леамо не пропускают. Ревет гудок. Винты вспенивают воду, взбивают ее как белок. Вот так уходят пароходы.

Теперь обратно в город. Автомобиль тормозит. Спасибо.

Когда Леамо добежал до края мола, «Забелия» уже проплывала между двумя дамбами. Он увидал только медленно удаляющуюся белую корму, словно призрак, шагающий по водам.

Хелена.

Хелена. Хелена.

Хелена.

Все кончено, пора домой (хорошо еще, что есть дом). Но тут является некая личность.

— Очень люблю провожать пароходы, — сообщает месье Фредерик.

И чего пристал. Шел бы себе.

— Этот караван, конечно, направляется в Саутгемптон? — поинтересовался месье Фредерик.

— В Плимут. А почему это вас интересует?

— Обожаю флот. Вы не смейтесь. Помните шутку: швейцарский адмирал?

— Дурацкий французский юмор.

Месье Фредерик весело рассмеялся.

Сознание Леамо было как никогда ясным.

— А знать какие пароходы прибывают вам

тоже, небось, интересно?

— Очень, — заверил месье Фредерик.

— И что привозят?

— Несомненно, — ответил месье Фредерик. — Но я ведь нейтральный, вы можете сказать, что это не мое дело.

— А если были бы врагом, было бы ваше дело?

— Если я был бы врагом, то только не вам. Я помню нашу беседу.

— А-а!

— Вы что, больше так не думаете?

— А вы разве тоже считаете, что Германия должна решать судьбы Европы и мира?

Месье Фредерик промолчал.

— А ведь за англичанами еще должок — Жанна д'Арк, Наполеон.

— Я и сам не понимаю, как французы смогли стать союзниками тех, кто принес им столько зла.

— И обо мне, месье Фредерик, вы подумываете, как об агенте, способствующем сим великим планам.

Месье Фредерик вновь промолчал.

— Почему вы от меня утаили, что знакомы с моим кузеном Гейфером?

— Месье Леамо, — заговорил наконец месье

Фредерик, — я уверен, что вы один из редких умных французов. Из тех, кто понял — только наш император и наш народ спасет Европу от английской, русской и желтой заразы. И от еврейской, разумеется. Я надеюсь, что мы вместе с вами, в меру своих скромных сил, будем участвовать в благородной миссии немецкой нации.

Чего Леамо не мог простить месье Фредерику, того что тот набился на приглашение, осквернил порог его дома и домашний очаг. Завтра он сходит на могилу жены.

XIV

Назавтра пришло сообщение, что «Забелия» потоплена вблизи Гавра немецкой подводной лодкой. Писали, что большинство пассажиров спаслось. Леамо не сомневался, что Хелена в их числе. Он привык к бедствиям. Только бедствия и знал в жизни. Бывает, что из них выходишь живым и здоровым.

Хелена жива и здорова.

Это казалось ему очевидным: Хелена жива и здорова. Хелена!

Хелена. Хелена.

Хелена.

Все вокруг поносили немецкое варварство: мол, гады какие — потопили госпитальное судно. Леамо помалкивал: он считал, что нужно немало отваги, чтобы вблизи французских берегов потопить судно, охраняемое военными кораблями.

Сказавшись совсем больным вышестоящему начальству, Леамо после обеда был отпущен на все четыре стороны. До кладбища он доехал на трамвае. Остановился у могил англичан, прочитал названия полков. Дальше шли надгробья

украшенные арабскими письменами. Совершая свою познавательную прогулку, он не торопился. Суровая зима. Деревья стояли голыми. Если что цвело, так лишь бумажные цветы, прицепленные к крестам.

На одной гранитной плите было выбито несколько золотых имен: Зеферина Леамо, Эводия Леамо, Эмилия Леамо. Мать, жена, невестка (первая!). Он обнажил голову, скрестил руки и в этой позе неподвижно застыл перед камнем. Он не молился, но все же плакал.

Он стоял долго. Было холодно.

Минут через десять, он утер глаза, перекрестился, покрыл голову и пошел к выходу. В свежеразрытой яме трудилось двое могильщиков. Леамо подумал: скоро и месье Фредерик растянется в могилке. И поделом — он ведь так жаждет пожертвовать жизнью во имя родины.

Леамо коротко хохотнул.

— Месье лейтенант, — обратился к нему один из гробокопателей, — знаете, чья это могила?

— Понятия не имею.

— Му д'Ака. Того самого, знаменитого комика из Фоли-Бержер. Вот это был, доложу вам, комик! Собственными ушами его слышал. А вы, месье лейтенант?

— Не приходилось.

— Это он пел:

Пускай глупа тво-оя мила-ашка,

Но к ней любо-овь твоя умна-а.

Вот это, доложу вам, комик!

Но Леамо мог стерпеть только молчаливых кинокомиков. Он повернулся к могильщикам спиной и, не попрощавшись, покинул кладбище.

Шаг Леамо был скорым и уверенным. Он вдруг вспомнил, что начались рождественские каникулы, значит, он сможет сводить Аннетту в кино.

Открыла старшая сестра Мадлена.

— Здравствуйте, Бернар, — поприветствовала она. — Ну что, неплохо тогда побесились?

— Еще бы. Отменно.

— Знаешь, — продолжала сестра, — можешь меня поцеловать. В тот вечер ты не стеснялся.

Леамо подчинился.

— Кстати, — сообщила Мадлена, — мне это довольно приятно. Да и вообще ты мне нравишься.

И поинтересовалась:

— Ты женат?

— Нет.

— А подружка есть?

— Нет.

— Небось случайные бабы.

— Нет.

— Тогда я тебя не понимаю. К сестренке не липнешь, не извращенец.

— Я целомудрен, — сообщил Леамо.

— Вот те на! — изумилась Мадлена. — Не можешь что ли? Классная шутка!

— Сам не знаю, — прыснул Леамо. — Тринадцать лет не пробовал.

— Не может быть! Врешь!

— Чистая правда.

— И тебе никогда не хочется?

— Хочется. Влюбился в одну англичанку. Но теперь она уехала и все кончено. Кончено.

Он подумал: «Даже неизвестно, жива ли она» — но промолчал. Мадлена разглядывала его, как диковинку. Она находила Леамо милым, красивым и трогательным. Ее даже не интересовало, что он мелет.

Короче, они переспали.

XV

К трем часам улица Казимир-Перье стала белым-бела от снега. Мадам Дютертр, завязав платок на своей тощей груди, высунулась наружу, дабы полюбоваться зрелищем скудного и обезлюдевшего мира. И тут она увидела Леамо.

— Вот сюрприз! — вскричала мадам Дютертр. — Полтора месяца носа не кажет. Надеюсь, не болели? Наверно все из-за ваших любовей.

— Признаться, да, — ответил Леамо с улыбкой.

— Ну-ка расскажите.

— В общем-то я для этого и пришел. У меня для вас парочка новостей. Первая: я помолвлен.

— Ого! Примите мои поздравления. С кем же?

— С девицей Руссо, — применил буржуазный оборот Леамо. — Она из скромной, очень скромной семьи. Можно сказать, рабочей, — смущенно закончил он.

— Мезальянс, месье Леамо?

— Ну уж прямо, — усмехнулся Леамо, — я ведь тоже не князь. Я ее люблю, а это главное.

Мадам Дютертр подозрительно на него взглянула.

— А что думает ваш брат?

— Мы не очень-то обсуждали. Война. Мне на фронт, значит, все позволено.

Мадам Дютертр промокнула глаза.

— На фронт! Сколько новостей сразу. Лучшие вам пожелания, месье Леамо, Бернар! Позвольте называть вас Бернаром. Мне будет одиноко без вас.

Она чуть оживилась.

— А знаете, месье Фредерик меня тоже покинул.

— Не сомневаюсь.

— Вы знаете почему? Что с ним?

Немного поколебавшись, Бернар произнес:

— Думаю, как раз сейчас его расстреливают.

— Так он из этих? Вот мерзавец, подлец! А мне он еще был симпатичен! Кто бы мог подумать?

— Я. Но это неважно. Меня не удивляет, что в природе существуют скорпионы и блохи.

— Значит теперь вы уже не ненавидите бедных и отверженных?

— И даже немцев, мадам Дютертр, — улыбнулся Леамо. — Даже гаврцев, — добавил он, рассмеявшись.

— Да вы мудрец, месье Леамо, — попыталась обратить в шутку мадам Дютертр.

— Ну, прощайте. Иду на войну, как все.

— Прощайте, мой мальчик.

Он тут же вышел.

Улицы были белы и пустынны. Бернар добрался до домика с фаянсовыми псами. Позвонил, вошел.

Аккуратно вытер ноги. Тут на лестнице послышались легкие шаги, и к нему прильнуло горячее и трепещущее, словно пламя, тельце.

— Аннетта, — прошептал он, — жизнь моя, жизнь моя, жизнь моя!

За окном стояла жуткая холодрыга.